

КАТАРСИС: ОТ ЯЗЫЧЕСКОГО НАСЛАЖДЕНИЯ К ХРИСТИАНСКОМУ ПОКАЯНИЮ

Е.П. Логунова

ФГОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный университет»

Рецензент А.А. Слезин

Ключевые слова и фразы: античная трагедия; катарсис; наслаждение; страдание; христианское покаяние; эстетика.

Аннотация: Рассматривается историко-культурный аспект понятия «катарсис». Отмечены наиболее значимые поворотные «узлы» истории музыкального искусства, античной трагедии, которые выявляют логику пути от языческого понимания катарсиса как очищения к христианскому покаянию.

Понятием катарсиса (гр. katharsis – очищение) «в эстетике обозначается высший или оптимальный духовно-эмоциональный результат эстетического воздействия на человека» [1, с. 168]. Культурно-исторический анализ психологии катарсиса, сделанный доктором психологических наук Т.А. Флоренской в ее работе «Диалог в практической психологии: Наука о душе», свидетельствует о единстве законов душевной жизни человека при всем различии их конкретно-исторического воплощения. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, вопрос о христианском покаянии, прообразом которого служит катарсис античной трагедии в его эстетическом значении.

Термин «катарсис» возник в античной культуре. Пифагорейцы создали теорию очищения человеческой души от вредных страстей путем воздействия на нее специально подобранной музыки. Музыкальный закон, или порядок, был осмыслен Пифагором, долгое время обучавшимся на Востоке. Философ разработал музыкальную иерархию, высшая ступень которой обозначена как *Musica mundana*, «мировая музыка», возникающая вследствие того, что движущиеся планеты издают звуки трения об эфир, а так как орбиты отдельных планет соответствуют длине струн, образующих консонирующие созвучия, то и вращение небесных тел порождает гармонию сфер.

Логунова Е.П. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций МичГАУ.

За *Musica mundana*, по учению пифагорейцев, в космической иерархии следует *Musica humana*, или человеческая музыка, ибо человеческому существу также присуща гармония, отражающая равновесие противоположных жизненных сил. Гармония есть здоровье, болезнь же есть дисгармония, отсутствие консонантности. Отсюда беспрецедентное значение музыки для жизни человека в учении Пифагора. Так, Ямвлих сообщает: «Пифагор установил воспитание при помощи музыки, откуда происходит врачевание человеческих нравов и страстей и восстанавливается гармония душевных способностей» [3, с. 29].

Третий вид музыки – музыка инструментальная, или *Musica instrumentalis*, есть лишь образ и подобие высшей музыки *Musica mundana*. И хотя божественная чистота числа в земной слышимой музыке не может получить полного телесного воплощения, все же звуки инструмента способны приводить душу в состояние гармонии, готовой, в свою очередь, воспринять гармонию небесную, ибо подобное воздействует на подобное и может быть воздействуемо подобным.

Это приведение души в единение с небесной гармонией и составляет суть катарсиса, или очищения. Катарсис, представляющий собой очищение сознания от всего случайного, преходящего, не консонантного и обретение состояния высшей гармонии, есть одно из центральных понятий древнегреческого учения о музыке вообще и пифагорейского учения в частности. Однако в практике учеников Пифагора катарсис достигается не одной только музыкой, но действием целой аскетической системы, в которой катарсическая природа музыки сочеталась с постом, молитвой и гаданиями, ибо, как свидетельствует Ямвлих, «из наук пифагорейцы более всего почитали музыку, медицину и мантику (искусство гадания)». Если медицина дарует гармонию тела, а гадание, или мантика, стремится привести человека в гармонию с внешними обстоятельствами, с его судьбой, то музыка дарует гармонию самой душе [3, с. 30].

Учение Пифагора носило эзотерический характер и было направлено на отдельных, избранных учеников. Целью музыки, согласно учению Платона, являлось воспитание идеального гражданина идеального государства, мыслящего как подражание космическому целому, как воплощение космоса с его вечными и непреложными законами в государственной, гражданской и личной жизни. Платоновское понимание катарсиса получило дальнейшее развитие у философа-неоплатоника (III в. н. э.) Плотина, а затем в патристике, средневековой мистике и эстетике, особенно в интeриорной мистике аскетизма византийских монахов.

Платон утверждал, что подлинно духовное, нравственное искусство должно быть каноничным. Именно каноничность позволяет сохранить верность изначальному образу прекрасного и удержать музыку на духовно нравственной высоте, что имеет государственное значение, ибо нравственное состояние музыки есть показатель нравственного состояния государства.

Однако живая музыкальная практика античного мира не смогла удержаться на высоте этих духовных требований. Стремление к духовному совершенству было побеждено жадой наслаждения и острых переживаний: были сломаны все канонические границы, музыкальное искусство

перешло в следующую стадию своего существования. Отныне целью музыки стало не слияние с высшей гармонией, не воспитание мужественного гражданина, а некое особое наслаждение, называемое эстетическим. По словам Аристотеля, музыка есть «заполнение нашего досуга», и служит она «интеллектуальным развлечением свободно рожденных людей» [3, с. 33]. Теперь нет ничего недозволенного, и любое средство, способное доставить наслаждение или острое переживание, допускается даже в том случае, если оказывает на душу развращающее или пагубное воздействие. Вообще рассмотрение воздействия на душу того или иного музыкального средства просто снимается, и наслаждение остается единственным критерием музыкальной истины.

Исследователь истории богослужебного пения В.И. Мартынов так характеризует состояние музыкального искусства времен заката античной культуры: «Сосуществование извращенной утонченности и интеллектуализма с площадной грубостью, экзотических мелодий тайных восточных культов с песенками требующих «хлеба и зрелищ» – таков диапазон музыки конца античного мира, музыки Римской империи перед пришествием Христа, музыки, духовно нравственный уровень которой являлся показателем духовно нравственного уровня государства и мира, ее породившего. Это глубочайшее падение и забвение Бога...» [3, с. 33].

Концепцию катарсиса непосредственно к искусству впервые применил Аристотель. В «Политике» он писал, что действием музыки и песнопений возбуждается психика слушателей, в ней возникают сильные аффекты (жалости, страха, энтузиазма), в результате чего слушатели «получают некое очищение, облегчение, связанное с удовольствием...» [1, с. 168].

В науке проблема катарсиса как «очищающего страдания» также обсуждается со времен Аристотеля. Он употребил этот термин в связи с определением трагедии как жанра, совершающего «...путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» [5, с. 145].

Учитывая и то, что данный философский текст дошел до нас не полностью, а само высказывание достаточно загадочно, Т.А. Флоренская предлагает последовать за Л.С. Выготским в его «Психологии искусства»: «...Несмотря на неопределенность его (понятия «катарсис», – Т.Ф.) содержания и несмотря на явный отказ от попытки уяснить себе его значение в аристотелевском тексте, мы все же полагаем, что никакой другой термин из употреблявшихся до сих пор в психологии не выражает с такой полнотой и ясностью того центрального для эстетической реакции факта, что мучительные и неприятные аффекты подвергаются некоторому разряду, уничтожению, превращаются в противоположные и что эстетическая реакция как таковая сводится к такому катарсису, то есть к сложному превращению чувств» [5, с. 145 – 146].

Однако эта проблема шире психологии эстетической реакции. Эмоциональная трансформация – превращение отрицательных эмоций в положительные – важна для нас в связи с целостным изменением личности, преодолением страданий и претворением их в радость.

Т.А. Флоренская пишет, что эту тему выразил А. Блок в поэме «Роза и Крест»:

*Сердцу закон непреложный –
Радость – Страдание одно...*

Здесь катарсис – не просто «трансформация чувств», это – духовное преобразование личности. Если человек способен переживать страдание и смерть как радость – значит, есть духовная жизнь, которая сильнее страдания и смерти [5, с. 146].

Свой духовный смысл понятие катарсиса утратило в XIX веке, в позитивистской науке, когда господствующими становятся теории катарсиса как «разрядки напряжения». Катарсис сводится к физиологической реакции. Согласно «медицинской теории» Я. Бернайса, катарсис всего лишь синоним греческого термина «куфисис», что означает телесное облегчение от аффектов вследствие их максимального возбуждения.

Теория катарсиса как «разрядки» одновременно вдохновлялась философией Ницше, который воспевал дионисийское опьянение с его выходом в сферу сверхличного; «дионисийской» теории Вяч. Иванова, делавшего акцент на оргиастическом раскрепощении страстей, при этом оставляя в тени аполлоновское начало греческой культуры с ее гармонией, мерой, разумностью. Эти же идеи развивались в психоанализе Фрейда. В современной психологии данный подход является преобладающим, поэтому необходимо, считает Флоренская, «реставрировать» идею катарсиса в ее первоначальном, духовном смысле, очистив ее от затемняющих поздних наслоений.

Психолог отмечает, что центральным отличием катарсического метода психоанализа и катарсиса в его историко-культурном смысле является отношение к нравственным нормам и ограничениям. Если по Фрейду катарсис состоит из отреагирования вытесненных нравственными нормами и ограничениями биологических влечений, имеющих антиобщественный характер, то совершенно иную картину представляет анализ самосознания наших предков по отношению к общественным табу. Человек ограничивал себя ради рода, детей, а не ради собственной безопасности.

В философской энциклопедии вопрос о нарушениях табу освещает С. Токарев: «Нарушение табу влекло за собой магическую опасность – скверну, от которой необходимо очиститься, чтобы не навлечь опасность на себя и окружающих. С магией табу тесно связана очистительная (катарсическая) магия...» [5, с. 148].

Такова же неизменная тема античной трагедии, генетически восходящей к очистительной магии – нарушение табу и связанные с ним страдания или гибель преступника (кровосмешение Эдипа навлекло моровую язву на его народ, и залогом избавления было обнаружение преступника и его наказание – изгнание из города). Очищение понимается как изгнание скверны в лице ее носителя.

В трагедии, также как и в первобытной магии, вредными, «патогенными», являются не запреты влечений, а нарушения запретов. Сами же запреты и ограничения оцениваются как благотворные. Такова существенная разница между катарсисом историко-культурным и психологической «разрядкой напряжения».

Исследователи утверждают, что реализация духовного «Я» человека сопряжена с необходимостью сознательного принятия нравственных норм

и ограничений. И сама эта необходимость осознается человеком в той мере, в какой он приобщается к своей духовной сущности. Способность же к самоограничению вплоть до самоотвержения является мерилем духовного развития человека.

На духовно нравственное воспитание человека была направлена античная трагедия. В ней был отражен всеобщий закон «преступления и наказания» – закон справедливости, нарушение которого карается Зевсом, а кара эта неотвратима. Бог учил людей страданиями, которые очищают человека, сокрушая его гордыню, самоуверенность, высокомерие [5, с. 156]:

*Через муки, через боль
Зевс ведет людей к уму,
К разумению ведет...*

Эсхил

*Неотступно память о страданье
По ночам, во сне щемит сердца,
Поневоле мудрости уча...*

Главным действующим лицом греческой трагедии является неотвратимый Рок, судьба. Чувство бессилия перед роком лишало человека возможности осознать свой главный дар – свободу и связанную с ней ответственность. В самосознании древнего грека сам грех воспринимался как следствие рока, судьбы. Смысл рока как следствие поступков самого человека, закономерно влекущих одно злодеяние за другим и в конце концов ведущих к гибели, был понят лишь духовно озаренными гениями эллинской культуры, среди которых – создатели древнегреческой трагедии.

Искусство трагедии, своими корнями уходящее в религиозные мистерии и мифы, является средством очищения, катарсиса. Греки считали, что недостатки людей исправляются путем очищения: от физического уродства очищает гимнастика, от болезней – медицина, от нравственных недостатков – культура. Искусство трагедии, очищая от страстей, открывает путь к осознанию духовных законов справедливости и добра, а также наказания за содеянное зло. Сопереживая герою трагедии, человек соотносил свою жизнь с его судьбой. Мужество героев трагедии проявляется в их борьбе со злом в окружающей жизни и в своей душе. Герои своим мужеством прокладывали человечеству путь к освобождению от зла и, что особенно важно для греческой культуры, освобождению от рока.

Трагедия человечества и путь преодоления греха раскрыты великим Софоклом в образе царя Эдипа. Путь Эдипа – это путь духовного преобразования каждого человека, катарсис Эдипа – путь покаяния человека.

«Милосердие» и «покаяние» – это, конечно же, слова, говорящие о христианском пути очищения души. Но в том и состоит неувядающая мудрость мифов и гениальность создателей трагедий, что в них сказано о вечном в образах своего времени.

Т.А. Флоренская в своем исследовании представляет историческое свидетельство вечности смысла, который несет в себе миф и трагедия об Эдипе. Таковым свидетельством является древнерусская повесть о житии христианского святого преподобного Андрея Критского.

Его судьба необычайно сходна с судьбой Эдипа: и он убил нечаянно отца и по неведению женился на своей матери, и ему ангел предсказал будущие тягчайшие преступления, когда он родился.

Узнав о своем невольном преступлении, Андрей не отчаялся и не ослепил себя, подобно Эдипу. После прихода Христа на землю человечество стало зрячим и получило способность благодатного исцеления. Андрей пришел в монастырь, исповедал свой грех, и настоятель повелел направить великого грешника в ров, чтобы Господь Сам решил, может ли он быть прощен. Долгое время провел Андрей в покаянных слезах. И когда настоятель повелел узнать, что стало с тем великим грешником, ему сообщили, что Андрей чудесным образом сохранен и даже поет покаянные песнопения и псалмы. Слезами и покаянием Андрей искупил свой невольный грех. Это покаяние родило величайший памятник песнетворчества кающегося человечества – Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского, который читается и поется в православных храмах на первой неделе Великого поста. Так Андрей стал преподобным Андреем – христианским святым. И не случайно он жил в Греции, ибо его судьба явилась завершением и исполнением чаяний Эллады, открытым для всего человечества [5, с. 160 – 161].

Епископ Варнава (Беляев) писал об очистительном смысле и ценности страданий: «... страдания и искушения человека посылаются:

1. В наказание за грехи...

2. Для устрашения живущих...

3. Для усовершенствования человека, приведения его в смиренное состояние, а чрез то и в совершенный покой душевный. Епископ вспоминает слова святого Исаака Сирина: «Как лекарства истребляют нечистоту худых соков в теле, так и жестокость скорбей очищает сердце от лукавых страстей» [2, с. 226]...

4. Еще скорби посылаются Богом для *очищения* невольных погрешностей, от которых, «яко человеки», не свободны и сами святые.

5. Для испытания человека ...

6. Для обнаружения славы Божьей...» [4, с. 224 – 230].

Таким образом, мы убеждаемся, что, действительно, катарсис античной трагедии является прообразом христианского покаяния.

Что же такое покаяние? На греческом языке это слово означает «поворот»: поворот души, поворот жизни. Покаяние заключается в том, чтобы прийти в сознание, принять решение и действовать соответственно. Но что же может так потрясти душу человека, чтобы он решился все изменить в своей жизни? Митрополит Антоний пишет об Иоанне Крестителе, что те люди, которые встречались с «его силой, его прозрачностью, его смирением, бескомпромиссностью», они встречались, в его лице, с человеком радикальной цельности. Видя его, они могли себя сравнить с тем, что он собой представлял, и это было побуждением для них покаяться, то есть с ужасом увидеть свое бедственное состояние и решить: таким, такой я жить больше не могу [4, с. 560].

Антоний обозначает покаяние не просто как «поворот», но как начало в корне новой жизни, «живительную смерть», благодаря которой мы говорим: «теперь я стал чужд греху, которому поклонялся и служил. Это – смерть для греха, нам предстоит подлинное обновление» [4, с. 87].

Список литературы

1. Бычков, В.В. Эстетика : учебн. / В.В. Бычков. – М. : Гардарики, 2002. – 556 с.
2. Епископ Варнава (Беляев). Основы искусства святости: Опыт изложения православной аскетики. В 4-х тт. Т. 3 – Нижний Новгород : Изд-во братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. – 539 с.
3. Мартынов, Е.И. История богослужебного пения : учебн. пособие. / Е.И. Мартынов. – М. : РИО Федеральных архивов; Русские огни, 1994. – 240 с.
4. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. – М. : Практика; 2002. – 1080 с.
5. Флоренская, Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе / Т.А. Флоренская. – М. : Гуманит. изд. центр Владос, 2001. – 208 с.

Catharsis: from Pagan Hedonism to Christian Penance

E.P. Logunova

Michurinsk State Agricultural University

Key words and phrases: ancient tragedy; catharsis; hedonism; misery; Christian penance; aesthetics.

Abstract: Historical and cultural aspects of the notion “catharsis” are studied. The most important turning points in the history of musical art, ancient tragedy are highlighted; those reveal the logic of moving from pagan understanding of catharsis as a form of absolution to Christian penance.

© Е.П. Логунова, 2006